

УДК 81

УЧЁТ СМЫСЛОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КОНФЛИКТОГЕННОГО ТЕКСТА КАК ВЕКТОР ИСТИНЫ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Кудинова Таисия Анатольевна

Профессор, доктор филологических наук,
Ростовский государственный медицинский университет Минздрава России;
г. Ростов-на-Дону, Россия,
Луганский государственный педагогический университет,
г. Луганск, Россия
SPIN-код: 3837-4226

В данной статье рассматривается значимость лингвистических экспертиз в решении вопроса по защите чести и достоинства лиц. Выявление негативной характеристики личности в конфликтогенном тексте включает в себя целостный комплекс механизмов, среди которого важное место занимает смысловой анализ. В каждом из контекстов высказывания определенный смысл способствует обозначению интенций адресата в спорном тексте. Отмечено, что недоработки в материалах исследования лингвоэкспертом обусловлены как субъективными причинами, так и объективными.

В работе представлено толкование терминов как обязательных феноменов, используемых при анализе конфликтогенных текстов; обращено особое внимание на междисциплинарные исследования, помогающие беспристрастно воспринять факты и действительность; обоснована важность выявления социокультурных и лингвоправовых интерпретаций отдельных контекстов конфликтогенного текста.

Цель данной работы – обозначить важность использования методики смыслового анализа, чтобы понять, какое общественное мнение адресант формирует своим содержанием текста и каково восприятие этого содержания адресатом сквозь призму понятия «оскорбление» и форму определения высказывания.

Ключевые слова: юрислингвистика, экспертиза, лингвистическая экспертиза, диффамация, диффамационный текст, конфликтогенный текст, честь, достоинство, оскорбление, утверждение, методика смыслового анализа, комплексный анализ.

ACCOUNTING FOR SEMANTIC FEATURES OF CONFLICT-GENERATING TEXT AS A VECTOR OF TRUTH IN LINGUISTIC EXPERTISE

Kudinova Taisiya Anatolyevna

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor,
Rostov State Medical University
of the Health Ministry of Russian Federation;
Rostov-on-Don, Russia,
Lugansk State Pedagogical University;
Lugansk, Russia
SPIN-code: 3837-4226

This article examines the significance of linguistic expertise in resolving issues pertaining to the protection of personal honor and dignity. The identification of detrimental characteristic in conflict-laden texts necessitates a comprehensive analytical framework, in which semantic analysis plays a pivotal role. Within each discursive context, the underlying meaning contributes to the indication of the author's intent in contentious texts. It is noted that deficiencies in linguistic expert assessments are determined by both subjective and objective factors.

The study provides an interpretative analysis of key terminological constructs, which are essential for the examination of conflict-driven texts; interdisciplinary researches ensuring impartial fact assessment are emphasised. Furthermore, it proves the necessity of uncovering sociocultural and linguo-legal interpretations in specific textual contexts.

The aim of this research is to highlight the necessity of semantic analysis in determining the specific public perception of the content embedded by a text's author and the recipient's interpretation of said content through the prism of «defamation» and the formulation of contentious statements.

Keywords: jurilinguistics, expertise, linguistic expertise, defamation, defamatory text, conflictogenic text, semantic analysis methodology, complex analysis, honor, dignity, insult, assertion.

*****

На рубеже XX-XXI веков, когда все слои населения овладели вкусом свободы слова и речевой самоконтроль ослаб, в общении некоторых людей стали возникать высказывания негативно-оценочного характера, направленные на унижение, порочение чести, достоинства и подрыва репутации личности. Восстановление справедливости и наказание порока в отечественной юстиции было обусловлено необходимостью обращения к лингвистам. Подобная практика стала облегчать процесс судебного разбирательства. Появление юрислингвистики, как направления прикладной лингвистики, манифестировало собой объективный процесс сближения юриспруденции и лингвистики. Результаты лингвистических заключений по конфликтогенным текстам, выполненные узкими специалистами, стали неотъемлемой составляющей в судах по защите чести и достоинства граждан. Привлечение лингвистов постепенно стало нормой. И в результате в 2006 году лингвистические экспертизы получили статус судебных экспертиз Минюста России [17].

Первопроходцами в разработке методик проведения лингвистических экспертиз по гражданским искам о защите чести, достоинства и профессионально-деловой репутации являются такие выдающиеся учёные, как Н. Д. Голев, А. Н. Баранов, И. А. Стернин, К. И. Бринев, Е. И. Галяшина, М. В. Горбаневский и мн. др. Можно с уверенностью сказать, что сегодня лингвистическая экспертиза представлена типовым алгоритмом её проведения и сформированным терминологическим аппаратом.

В терминосистеме лингвоэкспертологии, несмотря на некоторые расхождения в толковании отдельных единиц, основное ядро юрислингвистики считается общепринятым. Термин «юрислингвистика» [3] был введен накануне нового века и впоследствии приобрел широкое использование многими другими лингвистами как в сокращенной, так и в полной вариации [2], и был утверждён в качестве основного. Однако, наряду с этим термином, функционировали и другие: «судебное речеведение» [3], «лингвокриминалистика» [7], которые коррелируют сегодня с зарубежными «судебная лингвистика» (США и Великобритания) или «правовая лингвистика» (Германия, Австрия).

Нельзя не обратить внимание и на такие обиденные русскоязычные слова, как «оскорбление», «утверждение», «мнение», «предположение», которые так же, как и «юрислингвистика», приобрели статус термина в юридическом языке. Под оскорблением принято понимать совокупность речевых тактик и языковых средств, направленных на умаление (отрицание) положительной деятельности или на утверждение негативной характеристики лица, воспринимаемого обществом как «антиобразец» [9]. Заметим: в некоторых материалах лингвистических исследований даётся понятие термина оскорбление, однако контексты не рассматриваются сквозь призму его содержания, в результате чего выводы не совсем конкретны.

Толкование терминов «утверждение», «мнение», «предположение», чётко описанные А. Н. Барановым [1], являет собой ценный ключ в разрешении вопросов о

честь, достоинстве и деловой репутации той или иной личности. Учёный считает, что «утверждение» – это особый тип модальности, заключающий отношение автора к описываемым событиям, его коммуникативную интенцию [1, с. 36], причем сообщаемое адресантом возлагает на него полную ответственность за сказанное или написанное [1, с. 32]. Важность установления формы высказывания (утверждение, мнение или предположение) даёт право лингвисту-эксперту констатировать наличие или отсутствие факта оскорбления. Так, негативное высказывание, выраженное в форме мнения, суждения, предположения о человеке не имеет силы общественного резонанса, а значит, и не может идти речи о том, что задета честь, достоинство и деловая репутация.

Определения в термине конфликтогенный или конфликтный текст обычно рассматриваются как синонимы, означающие в языковой практике «спорный текст» [12], ставший предметом судебного разбирательства и лингвистической экспертизы. Перед экспертом-лингвистом стоит цель – обозначить смыслы контекстов устного или письменного высказывания и квалифицировать в целом, каким по своей природе является анализируемый текст: конфликтогенный или диффамационный?

Толкование понятия «диффамационный текст» сопряжено с наличием в нем негативной информации о лицах или событиях. Диффамация – намеренное распространение ложной или вводящей в заблуждение информации – может разрушительно воздействовать на честь личности, репутацию и жизнь людей. Считаем, что две близкие номинации спорного текста в юридическом дискурсе должны использоваться с предельной ответственностью. Термин «диффамационный текст» приемлем тогда, когда негативная характеристика личности обозначена в форме утверждения и соотносится с информацией ложного порядка. Иначе говоря, диффамационный текст – это высказывание, в котором средством формирования негативной характеристики личности является неправдивая информация, направленная на подрыв авторитета, умаления чести и достоинства человека.

Сегодня теоретические исследования лингвистов и практический опыт их деятельности в качестве экспертов являются ориентирами в развитии прикладных компетенций профильных специалистов. Ключевой основой для эксперта-лингвиста стала вышедшая в 2006 году брошюра авторского коллектива одного из главных российских экспертных учреждений – ассоциации Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС). Надо заметить: данная работа под названием «Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста» [5] являет собой практическое руководство не только для лингвоэкспертов, но и для всех представителей юриспруденции и права, участвующих в процессах восстановления справедливости. Авторами рассмотрены и прокомментированы законодательные материалы, касающиеся феномена «лингвистическая экспертиза», дано толкование многих слов (около 40), приобретших статус термина в юридическом дискурсе, а также 12 советов лингвистическому эксперту и несколько образцов оформления вопросов.

Знаковым событием в новом тысячелетии было открытие во многих регионах страны экспертных учреждений, в которых были введены специалисты по лингвистической экспертизе. Казалось бы, что паровозик поставлен на рельсы и надо двигаться в направлении к истине. Однако практика показывает, что содержание некоторых лингвистических экспертиз не удовлетворяет как истцов, так и ответчиков. Причин, на наш взгляд, много, и устранение их связано как с внедрением перечня требований к экспертам-лингвистам, так и с практикой осуществления комплексного анализа конфликтогенного текста.

Нами подмечено, что, руководствуясь языковой деликатностью, лингвист-эксперт иногда с предельной осторожностью старается сделать выводы, поскольку понимает: заявленное им может прямо или косвенно повлиять на судьбу одного из участников конфликтного взаимодействия. Психологическое состояние мнимой вины иногда уводит лингвоэксперта от подлинной объективности в исследовании. И в результате получается, что одна из сторон не удовлетворена лингвистической экспертизой. Каков выход? Думается: из-за невозможности использования в наших

судах принципа личностной авторской анонимности в лингвистических экспертизах (ср.: в Великобритании лингвоэксперт имеет статус секретности [11]), целесообразно было бы проводить исследования коллективом авторов, синтез мнений которых отражал бы полный анализ содержания конфликтогенного текста и исключал возможность проведения новой экспертизы.

В основе понимания всего содержания конфликтогенного текста, на наш взгляд, лежит применение методики смыслового анализа. Термин «смысловой анализ текстов», предложенный Г. Ф. Гордукаловой [6, с. 23], по наблюдениям исследователя, не является методом как таковым, однако в среде ученых как на уровне теории, так и практики, «обсуждались подобные исследования текстов» [6, с. 23]. Вслед за Г. Ф. Гордукаловой считаем, что смысловой анализ текстов будет способствовать познанию смыслов, заложенных во всех типах речи. И более того, выявление смыслов, лежащих в основе конфликтогенных текстов, позволит лингвисту-эксперту заявить об истинном авторском намерении. Именно определение мотивов, побудивших автора писать текст, поможет выявить объективную оценку текста как языкового явления и найти слова с оскорбительным потенциалом в речевых фрагментах конфликтогенного текста, причем надо доказать, при каких условиях они становятся оскорбительными, а не обидными [8].

Попытка учёного дать примерное толкование смыслового анализа текста как метода, на наш взгляд, представлена в узком понимании, отражающем конечные цели библиографа, комплектатора и аналитика информационных ресурсов. Однако семантический потенциал лексемы «смысл» представляет возможности дать определение появившемуся термину с позиций широкого его понимания. В настоящее время слово «смысл» не является термином, но хочется предположить, что исследователи юридического языка введут его в терминологический аппарат как необходимую и значимую речевую единицу в лингвистической экспертизе, да и, вообще говоря, в юридическом дискурсе. Выявить смысл текста (или деяния ответчика судебного процесса), проанализировать его и сделать вывод – главная задача лингвоэксперта и, конечно, судьи. Надо подчеркнуть, что разработанная Г. Ф. Гордукаловой «примерная методическая схема» проведения смыслового анализа текстов, с одной стороны, представляет собой ценный вклад в расширенное толкование этого понятия лингвистами-теоретиками, а с другой – будет хорошей основой в усовершенствовании алгоритма в практике лингвистических экспертов.

Предполагаем: методика смыслового анализа текста будет включать следующие звенья работы лингвиста-эксперта над конфликтогенным текстом:

- определение темы и идеи написанного или высказанного. Важно знать не только о ком и о чём человек пишет или говорит, но и зачем он это делает, как кодируется и какими лингвистическими средствами передаётся [14, с. 89] интенция отправителя информации и как совокупность использованных лексических и синтаксических средств влияет на сознание адресата [13];

- выбор исследовательских процедур как рабочих приемов, а не как строгих методологических принципов. Именно гибкий подход к анализу позволит сделать акцент на интерпретации и понимании текста, а не на получении однозначных результатов;

- по необходимости привлечение материалов судебно-междисциплинарных исследований (исторической экспертизы, психологической, психиатрической и пр.);

- учет экстралингвистического своеобразия диффамационного текста [15; 11].

Поверхностный семантико-грамматический и лексикографический анализ способов выражения негативной информации, проведенный экспертом-лингвистом не удовлетворяет, как правило, какую-то из сторон судебного процесса. И видимо, по причине того, что не был использован смысловой анализ как методика.

Приведем пример одного из важных фрагментов в содержании конфликтогенного текста, который стал оскорбительным для адресата и, следовательно, причиной судебного разбирательства по вопросу умаления чести указанного в нем лица.

«Сам N (обозначение здесь и далее имен собственных латинскими буквами, их выделение курсивом и жирным шрифтом – разрядка наша) с 1942 по 1943 год находился на оккупированной фашистами территории. N не ушел добровольцем в армию защищать свою Родину, на территории не создал подполье. Не партизанил! В октябре 1942 года немецко-фашистская администрация ставит N директором школы в селе R Z-го района X (ныне W края Q муниципальный округ)».

Спорный контекст состоит из четырех предложений. В первом предложении («N с 1942 по 1943 год находился на оккупированной фашистами территории») не указаны точные сроки оккупации «в селе R Z-го района», которые могли служить фактом достоверности. И более того, если далее по контексту указывается месяц и год назначения немецкой администрацией господина N директором школы, то возникает вопрос: 1) чем занимался до этого назначения господин N, когда хозяйничали в селе оккупанты? Конечно, адресант не говорит. Данная информация адресанта вызывает подозрение на предмет сокрытия информации о длительности оккупационного режима в селе. Обозначенные даты порождают догадку, что в течение двух лет господин N жил в мире и согласии с немцами, а потом он, ставши директором, обучал вместе с учителями школы советских детей по немецкой указке. Нонсенс!..

Во втором предложении и к нему относящемся третьем, как парцеллируемой части («N не ушел добровольцем в армию защищать свою Родину, на территории не создал подполье. Не партизанил!»), содержатся однородные глаголы с отрицательной частицей «не», служащей для выражения полного отрицания [18, т. 2, с. 419] позитивной деятельности N, то есть негативная деятельность указанной личности подаётся через отрицание позитивной. Тривжды употребленная частица подчёркивает категоричность информации, а использованная парцелляция («Не партизанил!»), как средство изобразительности, усиливает смысловые и экспрессивные оттенки значений впереди стоящих однородных глаголов.

Итак, в контексте предложений явное утверждение негативной информации подтверждается внешней формой высказывания. Смысл фраз заключается в том, что адресант с полной уверенностью заявляет о негативной деятельности господина N во время оккупации немцами территории, на которой он проживал. Отсутствие точной последовательности при обозначении дат и документально не подтвержденная линия поведения господина N вызывает сомнение в правдивости сказанного адресантом. Такая манера изложения информации может рассматриваться как прием манипуляции человеческим сознанием, чтобы создать о господине N недобрую славу.

По содержанию контекста на поверхности информация адресанта о том, что во время Великой Отечественной войны N не принимал участия в борьбе с фашизмом. Чем занимался в это время господин N, адресант сообщает в четвертом предложении: «В октябре 1942 года немецко-фашистская администрация ставит N директором школы в селе R Z-го района X (ныне W края Q муниципальный округ)». В представленной фразе «немецко-фашистская администрация ставит N директором школы (выделение жирным – разрядка наша)» стержневым словом является глагол «ставить». Заметим, что глагол несовершенного вида «ставить» и глагол совершенного вида «поставить» имеют одно и то же значение. Многозначность глагола «ставить» в употребленном контексте включает в себе следующие толкования 1) «выдвигать, предлагать»; 2) «создавать для кого-либо какое-либо положение, условия, обстановку, приводить в какое-либо положение, состояние» [18, т.4, с. 244]. Учет семантики представленных глаголов позволяет судить о том, что немецко-фашистская администрация сделала N своим ставленником. Существительное «ставленник» означает «лицо, получившее должность по желанию или протекции кого-либо» [18, т.4, с. 245]. В сознании носителей языка слово «ставленник» в контексте оккупации воспринимается как предатель, человек, который сотрудничал с врагом; действия такого человека со стороны общества всегда осуждаются и вызывают негативные эмоции. В политическом контексте «ставленник» означает человека, который был назначен или поставлен на должность

оккупационной властью. Негативный оттенок слова указывает на то, что человек не являлся легитимным лидером или представителем своего народа, а скорее действовал в интересах врага.

Информация о господине N в данном контексте представляет собой попытку адресанта дискредитировать имя с целью отрицания его заслуг и сформировать мнение о нём как порочном человеке (текст был размещен в социальных сетях Интернета). Думается, именно так воспринимают защитники чести господина N. Для них подобная информация в виде негативной характеристики предстаёт как оскорбительный факт.

Надо заметить: не всякий негатив можно расценивать как оскорбление с позиций правого регулирования. В подобных ситуациях по таким вопросам слово остаётся за лингвистом-экспертом, который выясняет форму подачи сведений. И в том случае, если доказано, что это «утверждение», а не «мнение» или «предположение», следуют запросы на соответствие действительности указанных фактов. В противовес утверждению в речевой деятельности мнение (или предположение) оформляется определенными лексемами и соответствующими синтаксическими конструкциями (то есть словами думаю, полагаю и др., а также вводными очевидно, наверное, по-видимому и др. или вводной конструкцией типа как кажется, по всей видимости и др.).

В защиту лингвоэкспертов скажем, что неудовлетворенность одной из сторон результатами экспертизы иногда кроется не в качестве проведенной лингвистической экспертизы, а в узости поставленных вопросов перед лингвистом-экспертом. На наш взгляд, инициатор(ы) судебного процесса указанного негативного сведения в спорном тексте должен(ы), наряду с типовыми вопросами о наличии-отсутствии негативной информации и форме её высказывания (утверждения о фактах, мнения авторов, оценочного суждения, вопроса), поставить обязательный вопрос перед экспертом-лингвистом о смысловой направленности указанных контекстов или текста в целом. К примеру, в приведенном нами фрагменте вопросы были бы оформлены примерно следующим образом: а) можно ли считать, что адресант считает господина N ставленником оккупантов? б) является ли оскорблением аргумент, высказанный адресантом в следующей фразе доводом отрицательной оценки личности N, порочащей честь N: «В октябре 1942 года немецко-фашистская администрация ставит N директором школы в селе R Z-го района X (ныне W края Q муниципальный округ)? Конечно, чем больше вопросов к лингвисту-эксперту, тем яснее и шире будет представлена в суде языковая характеристика конфликтогенного текста.

Полагаем, подобные вопросы потребуют обращения внимания эксперта-лингвиста к смыслу сказанного, к пониманию интенций адресанта и определения степени оскорбительности.

Как известно, в лингвистической экспертизе определяющее значение отводится аргументации специалиста, которая является основой должного внимания судьи. Вернемся снова к контексту, приведенному выше в качестве примера. На самом деле коммуникативная направленность рассматриваемой фразы заключает в себе негативную характеристику господина N и подана она как утверждение, которое можно и нужно проверить: действительно ли так было? Посредством семантического и лексикографического анализа стержневых лексем, словосочетаний и контекстов создаётся тот или иной образ человека, характеристика которого интерпретируется с социолингвистических, лингвокультурологических и лингвопрагматических позиций. И если речь идёт о наличии проверенных показателей, связанных с умалением чести, достоинства и подрыва репутации, то такое высказывание считается диффамационным и констатируется как оскорбление.

Полагаем, в данном случае, помимо смыслового анализа всего конфликтогенного текста, необходим комплексный, поскольку правильные интерпретации социологов, культурологов и историков как экспертов позволят выяснить истину на основе документов всего дела.

Считаем, опираясь на содержание основных приведенных терминологических единиц, лингвист-эксперт обязан сделать смысловой анализ всех имеющихся контекстов конфликтогенного текста: привести лексикографическое толкование стержневых лексем, квалифицировать способ выражения негативной информации. Именно выявленные оценочные смыслы дают возможность установить характер текста, а именно: диффамационный он или нет? Диффамационным будет считаться в том случае, если заявленная информация не будет соответствовать действительности. В результате это означает, что негативная информация о человеке порочит его честь, достоинство и подрывает репутацию.

Таким образом, смысловой анализ в сочетании с социокультурными и лингвоправовыми интерпретациями содержания конфликтогенного текста служит надежным средством и ориентиром в составлении частных и общих выводов лингвоэксперта, с помощью которых обеспечивается прагматическое начало в судебном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. – Учебное пособие. – М., ООО «Флинта», 2011.
2. Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза: Методология и методика. Москва, 2014.
3. Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении. Юрислингвистика-1: Барнаул: АГУ, 1999.
4. Галяшина Е. И. Основы судебного речеведения. – М.: СТЭНСИ, 2003.
5. Горбаневский М. В. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юридический Мир, 2006 г. [Серия «Библиотечка юриста СМИ»]. – Агентство СІР РГБ.
6. Гордукалова Г. Ф. Смысловой анализ текстов. / Биосфера. 2010, №1. – с. 23-27. – Режим доступа. – [https:// journals.tsu.ru/uploads/import/1462/files/23-27](https://journals.tsu.ru/uploads/import/1462/files/23-27). – Дата обращения: 25.07.2025.
7. Грачев М. А. Лингвокриминалистика. – Нижний Новгород, 2009.
8. Кудинова Т. А., Патюкова Р. В., Оломская Н. Н., Черкасова М. Н. The language of insult: The conflict of interpretations (linguo-juridical approach to the problem). – Издательство: Man In India ISSN: 0025-1569. – Том: 97, №: 15, 2017, с. 527-538.
9. Кусов Г. В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт. – Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Волгоград, 2004. – 27 с. Режим доступа. – <https://lincon.narod.ru/autoref5.htm>. – Дата обращения: 20.07.2025.
10. Кусов Г. В. Судебная лингвистическая экспертиза «оскорбления»: развитие современной теории и практики // Российский судья. – 2011. – № 9. – С. 15–19.
11. Магировская О. В., Терехова А. А. Научные школы и практика лингвистической экспертизы текста и дискурса: проблема теоретического статуса. – Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024, 21 (4): 886–900. – <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.407>. – Дата обращения: 20.07.2025.
12. Макаренко Г. С. О соотношении понятий «конфликтогенный» и «конфликтный» текст в рамках изучения юрислингвистики. – Режим доступа: <https://docviewer.yandex.ru/?tm=1753637002&tld=ru&lang=ru&name=KLS-2018-1-139-142.pdf&text=%D0%BA%D0%BE%>. – Дата обращения: 20.07.2025.
13. Матвеева Г. Г., Муругова Е. В., Николенко О. В. The role of external components of the speech act in a provocative psychotherapy session/ – Linguistics in the Era of Digitalization: Current Problems and Development Prospects (LED 2024), 2024.

14. Нефёдов С. Т., Чернявская В. Е. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива. Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020, (63). – С. 83–97.

15. Радбиль Т. Б., Юматов В. А. Концептуальный анализ в лингвистической экспертизе. Мир науки, культуры, образования. 2015, (54): 365–367.

16. Салихова Э. А. Лингвоэкспертная диагностика степени «оскорбительности» лексических единиц, вовлеченных в правовой дискурс. – Режим доступа. – <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=ru&lang=ru&name=plin-2020-03-20>. – Дата обращения: 14.07.2025.

17. Сеницына М. А. Исследование механизмов аргументирования в современных СМИ для оптимизации методологии проведения лингвистической экспертизы. – Режим доступа: <https://cheloveknauka.com/issledovanie-mehanizmov-argumentirovaniya-v-sovremennyh-smi-dlya-optimizatsii-metodologii-provedeniya-lingvisticheskoy-ek>. – Дата обращения: 13.07.2025.

18. Словарь русского языка: В 4-х томах. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984.